

Алексей Алексеевич Леонтьев
14.01.1936 – 12.08.2004

Д.А.Леонтьев
А.А.Леонтьева
Е.Ф.Тарасов

Алексей Алексеевич Леонтьев: научная биография¹

Алексей Алексеевич Леонтьев родился 14 января 1936 года в Москве, в семье известного психолога Алексея Николаевича Леонтьева. Окончив среднюю школу с золотой медалью, Алексей Алексеевич Леонтьев поступил на романо-германское отделение филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, учебу на котором завершил в 1958 году. Еще в студенческие годы Алексей Алексеевич проявил склонность к научной работе, его дипломная работа получила высокую оценку и легла в основу двух публикаций, благодаря чему он в виде исключения был принят на работу в Институт языкознания Академии наук СССР – сначала в сектор германских языков, а затем был переведен в сектор общего языкознания. В 1963 году А.А.Леонтьев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Общелингвистические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ»; в том же году при его активном участии вышел двухтомник избранных работ Бодуэна де Куртенэ.

С начала 60-х гг. А.А. Леонтьев увлекся новой научной областью – психолингвистикой и был автором первых статей и книг по психолингвистике в СССР. В 1968 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности», а с 1969 года возглавил в Институте языкознания Группу психолингвистики и речевой коммуникации, где сформировалась команда его единомышленников-последователей: Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, А.М. Шахнаровича, Н.В. Уфимцевой и других ныне известных ученых. В это же время он стал сотрудником образованного при МГУ Научно-методического центра русского языка; занимался и более общими вопросами психологии и методики преподавания иностранных языков. В 1975 году А.А.Леонтьев защитил вторую докторскую диссертацию (на соискание ученой степени доктора психологических наук) на тему «Психология общения». В том же году он перешел в только что образованный Институт русского языка им.А.С.Пушкина на должность заведующего кафедрой методики и психологии.

В 1986 году А. А. Леонтьев вплотную занялся проблемами преподавания иностранных языков в школе и вузе, перейдя профессором на кафедру методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета (тогда Московского государственного педагогического института им.В.И.Ленина), где он проработал до 1997 года, после чего поступил на должность профессора кафедры психологии личности факультета психологии МГУ.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-06-10942а «Научное наследие А.А. Леонтьева».

В 1992 году А.А.Леонтьев был избран действительным членом Российской академии образования (по Отделению психологии и возрастной физиологии), а в 1997 году стал действительным членом Академии педагогических и социальных наук.

В 1990 г. А.А.Леонтьев был избран генеральным секретарем Международной ассоциации коллективного содействия изучению языков.

Таковы основные вехи творческой деятельности А.А.Леонтьева.

Уже в ранних работах обозначился стиль научных изысканий А.А.Леонтьева: он всегда работал на границе наук в так называемых стыковых дисциплинах. На это имелись как объективные, так и субъективные причины – это было время возникновения в науке тенденции к формированию новых научных дисциплин, объединяющих различные понятийные аппараты. Так А.А.Леонтьев стал признанным создателем отечественной психолингвистики – теории речевой деятельности, возникшей на стыке психологии и лингвистики. Субъективной причиной возникновения оригинального творческого стиля А.А.Леонтьева можно, без всякого сомнения, считать влияние его прославленного отца – основателя и декана факультета психологии МГУ.

На стыке наук написана этапная работа А.А.Леонтьева «Психология общения», защищенная как диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Хотя работа защищена как психологическое исследование, она написана филологом, знакомым с семантикой и семиотикой, именно знание этих дисциплин выделяет работу А.А.Леонтьева из ряда психологических изысканий в области общения.

Став сотрудником Научно-методического центра русского языка и позднее возглавив кафедру методики и психологии русского языка им. А.С.Пушкина, образованного на базе этого Научно-методического центра, он сделал методику преподавания русского языка, а позднее методику преподавания иностранных языков, подлинно научной дисциплиной, обогатив ее психологическими теориями обучения.

В течение нескольких лет А.А.Леонтьев возглавлял исследования по проблеме интенсивного обучения иностранным языкам в качестве председателя Научно-методического совета по интенсивному обучению иностранным языкам при АПН СССР.

В этом же русле, на границе разных научных дисциплин лежат работы А.А.Леонтьева по созданию новых направлений исследования текста: психолингвистические проблемы криминалистики и судебной психологии, методики судебной экспертизы текстов.

Список научных работ А.А.Леонтьева включает около 900 научных публикаций на 20 языках.

Несмотря на обилие научных направлений, где разворачивалось научное творчество А.А.Леонтьева, следует подчеркнуть, что основные его заслуги перед лингвистикой нужно искать в области создания теории речевой деятельности – отечественного варианта психолингвистики, и в области психологической теории речевого общения.

Психолингвистика как стыковая дисциплина для исследования речевых процессов использует психологический понятийный аппарат для описания психических

процессов, в форме которых разворачивается речь, и лингвистический понятийный аппарат, при помощи которого описывается речь (речевой материал) и система языка. На роль психологического аппарата психолингвистики может претендовать любая психологическая теория, которая в состоянии объяснить процессы производства речи (говорение и письмо), восприятия речи (слушание и чтение), онтогенеза языка (процесс овладения ребенком родным языком) и организацию речевого общения (процесс организации совместной деятельности), и любая лингвистическая теория, которая позволяет описывать речь (речевой материал) в качестве теории среднего уровня, если результаты исследования в рамках этой теории могут быть экспериментально (или в эмпирическом наблюдении) верифицированы. Очевидно, что может существовать множество психолингвистик в зависимости от психологических и лингвистических теорий, использованных в конкретной психолингвистике.

Первая мировая психолингвистическая школа – школа Чарльза Осгуда, возникнув в 1953 году, была вытеснена психолингвистикой Джорджа Миллера – Ноэма Хомского в середине шестидесятых годов, когда А.А.Леонтьев опубликовал свои первые работы в области психолингвистики.

К середине шестидесятых годов исследования в рамках психолингвистики Осгуда, и, в значительной мере, в психолингвистике Миллера – Хомского показали, что они не могут предложить адекватных решений проблем, ради чего и создавалась эта стыковая дисциплина.

А.А.Леонтьев предложил сформировать новую психолингвистику, используя понятийный аппарат общепсихологической теории деятельности, автором которой был А.Н.Леонтьев.

Эта теория, которая еще и сейчас не знает альтернатив, позволяет рассматривать психику человека как активность, направленную на мир, которая может трактоваться как деятельность, состоящая из неречевых и речевых действий. Деятельностная схема, дает возможность трактовать речевую и неречевую активность человека как воздействие на природу, реализующееся в неречевых действиях, и как воздействие на другого человека в совместной деятельности, реализующейся в речевых действиях.

Теория речевой деятельности, созданная А.А.Леонтьевым, дает возможность удовлетворительно решить проблемы производства и восприятия речи онтогенеза языка и речевого общения [Леонтьев 2007; Тарасов 1987].

А.А.Леонтьев показал, что речевые процессы (производство и восприятие речи) не только в своей форме детерминированы структурой совместной деятельности, организуемой в ходе речевого общения, но и в содержании языковых (и неязыковых) знаков, которые составляют знания, выработанные социумом в процессе создания культурных предметов, обозначенных этими языковыми (и неязыковыми) знаками.

Неотрывность речи членов социума от их совместной деятельности была отображена А.А.Леонтьевым (совместно с Т.В.Ахутиной-Рябовой) в модели производства и восприятия речи. В этой модели на первом этапе адресант анализирует проблемную ситуацию, возникшую в его деятельности, с целью выбора (вербальных и невербальных) способов ее решения, в этой модели отображается детерминация речи неречевой деятельностью.

Кроме того, в модели производства речи мысль существует на этапе формирования содержания производимого высказывания при помощи образов различной психической модальности, затем знания, ассоциированные с психическими образами, отображаются при помощи знаний, ассоциированных с телами языковых знаков. Эта модель на многие годы создала методологическую и психологическую обоснованность экспериментальных исследований речевых процессов.

Перечислим важнейшие проблемы, решенные А.А.Леонтьевым:

- различие восприятия формы речевого сообщения и конструирования его содержания – при восприятии речи реципиент воспринимает субстанцию звуков или графем и ориентируется в форме языковых знаков, входящих в речевую цепочку, и после этого конструирует содержание речевого сообщения из знаний, ассоциированных в его сознании с опознанными языковыми знаками;

- обоснование различия психологического значения и психологического смысла языковых знаков: в сфере индивидуально-личностного видения мира человеком его воздействие на мир опосредовано личностными смыслами, которые формируют индивидуальный образ мира, но как член социума человек в своем индивидуальном образе мира имеет определенную инвариантную часть, общую для всех членов социальной группы или всего общества и фиксируемую при помощи значения [Леонтьев 1969];

- объяснение связи формы и содержания языкового знака при помощи понятий квазипредмета и превращенной формы предметов и явлений. Превращенная форма предметов и явлений – это культурные предметы, понимание которых отягчено утратой связи между своей формой и содержанием и которые функционируют в общении людей своей субстанцией для замены других предметов и, естественно, не имеющие содержательных связей между своей субстанцией и замещенным предметом; форма (субстанция) языкового знака функционирует в общении людей как квазипредмет, не имеющий содержательных связей со своим значением, научный анализ этих связей требует введения промежуточного звена – системы социальной деятельности, только которая и позволяет объяснить связь содержания и формы языкового знака. Благодаря введению понятия превращенной формы для объяснения генезиса и функционирования языкового знака, последний получил адекватное научное толкование. Именно введение понятия превращенной формы позволило А.А.Леонтьеву создать психологическую теорию знакового, в том числе и речевого общения, что, в свою очередь, поставило изучение речевого общения в лингвистике на научную почву.

Ядро теории речевого общения у А.А.Леонтьева составили представления о психологической обусловленности процесса речевого общения, которые дали возможность показать общение как сложную систему познавательных действий, на основе которых коммуниканты осуществляют ориентировку друг в друге и в ситуации общения. Эта ориентировка, по А.А.Леонтьеву, является, в известной мере, предварительной стадией собственно общения, мотивом которого является организация совместной деятельности коммуникантов [Леонтьев 2008].

Психологические представления о речевом общении, сформированные А.А.Леонтьевым, образуют понятийный аппарат, который необходим для объясне-

ния языковых фактов речевого общения, тем более, что в самой лингвистике до нашего времени отсутствуют такие объяснительные возможности.

Теория психологии речевого общения А.А.Леонтьева послужила стимулом для дальнейших исследований речевого общения [Тарасов 2009].

При создании теории речевого общения А.А.Леонтьеву удалось решить следующие проблемы.

Анализируя функционирование знака, А.А.Леонтьев показал, что модель «означающее – означаемое» не является адекватной для понимания процессов восприятия тела знака и конструирования его содержания.

А.А.Леонтьев дал деятельностную трактовку содержания знака, которое формируется обществом, но присваивается индивидом в процессе деятельностного овладения культурой общества, когда в ходе распрямления – опредмечивания культурных предметов личность творит себя.

А.А.Леонтьев преодолел ложное представление об общении как о процессе «передачи» информации, показав, что общаться при помощи знаков могут только коммуниканты, обладающие общностью сознаний (общностью образа мира), обмен телами знаков в ходе общения – это только механизм вызова из совместной социальной памяти образов сознания для конструирования содержания речевых сообщений, состоящих только из цепочки тел языковых знаков.

Характеризуя научное творчество А.А.Леонтьева, можно утверждать, что он оказал большое влияние на изучение речевых процессов во второй половине XX века прежде всего в силу гуманитарной энциклопедичности своего творчества [Асмолов 2008: 322].

Литература

Асмолов Л.Г. А.А.Леонтьев и феноменология энциклопедического мышления / Л.Г.Асмолов // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сборник научных работ к 70-летию со дня рождения А.А.Леонтьева / Под ред. Т.В.Ахутиной, Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2008. – 391 с.

Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие / А.А.Леонтьев // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С.56 – 61.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А.Леонтьев. – Изд.4-е, стереотипное. – М.: Комкнига, 2007. – 312 с.

Леонтьев А.А. Психология общения: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / А.А.Леонтьев. – Изд.5-е стереотипное. – М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2008. – 368 с.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф.Тарасов. – М.: Изд-во «Наука», 1987. – 168 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации / Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, А.М.Шахнарович А.М. // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Под ред. А.А.Леонтьева. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 388 с.

Основные работы А.А.Леонтьева

Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка / А.А.Леонтьев. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 140 с.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности / А.А.Леонтьев. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – 246 с. (2-е изд. 2003).

Леонтьев А.А. Язык и разум человека / А.А.Леонтьев. – М.: Политиздат, 1965. – 128 с.

Леонтьев А.А. Языкознание и психология / А.А.Леонтьев. – М.: Наука, 1966. – 80 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистика / А.А.Леонтьев. – М.: Наука, 1967. – 118 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А.Леонтьев. – М.: Наука, 1969. – 308 с. (2-е изд. 2003).

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А.Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 216 с. (2-е изд. 2003).

Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки) / А.А.Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1970. – 88 с.

Леонтьев А.А. Папуасские языки / А.А.Леонтьев / Сер. «Языки народов Азии и Африки». – М.: Наука, 1974. – 116 с.

Леонтьев А.А. Психология общения: учеб. пособие для студентов-психологов / А.А.Леонтьев. – Тарту.: Тартуский гос. ун-т, 1974. – 220 с. (2-е изд. 1997, 3-е изд. 1999).

Леонтьев А.А. Что такое язык / А.А.Леонтьев / Библиотечка Детской энциклопедии: Ученые школьнику. – М.: Педагогика, 1976. – 96 с.

Леонтьев А.А. Речь в криминалистике и судебной психологии / А.А.Леонтьев, А.М.Шахнарович, В.И.Батов // Лингвистика – научно-техническому прогрессу. – М.: Наука, 1977. – 63 с.

Леонтьев А.А. Педагогическое общение / А.А.Леонтьев / Серия «Педагогика и психология» // Новое в науке и технике. – № 1. – М.: Знание, 1979. – 47 с. (2-е изд. 1996).

Леонтьев А.А. Психологические особенности деятельности лектора / А.А.Леонтьев. – М.: Знание, 1981. – 80 с.

Леонтьев А.А. Путешествие по карте языков мира: книга для учащихся 5-7 классов / А.А.Леонтьев. – М.: Просвещение, 1981. – 96 с. (2-е изд. 1990)

Леонтьев А.А. Язык ток-писин (неомеланезийский) / М.В.Дьячков, А.А.Леонтьев, Е.И.Торсуева / Сер. «Языки народов Азии и Африки». – М.: Наука, 1981. – 72 с.

Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание / А.А.Леонтьев. – М.: Наука, 1983. – 77 с.

Леонтьев А.А. Русский язык для туристов / В.Г.Костомаров, А.А.Леонтьев. – М. – Токио, 1984. – 160 с. *Японский вариант* книги.

Леонтьев А.А. Мир человека и мир языка / А.А.Леонтьев. – М.: Детская литература, 1984. – 127 с.

Леонтьев А.А. Л.С.Выготский: книга для учащихся 9-11 классов средней школы. М., 1990. – 158 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А.Леонтьев / Сер. «Психология для студента. – М.: Смысл, 1997. – 287 с. (2-е изд. 2003).

Леонтьев А.А. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии: учебно-справочное пособие / А.А.Леонтьев. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т – Изд-во «Флинта», 1998. – 312 с.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды / А.А.Леонтьев. – М. – Воронеж: Моск. Психолого-социальный ин-т; Изд. НПО «МОДЭК», 2001. – 448 с.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А.А.Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.

Леонтьев А.А. Жизненный и творческий путь А.Н.Леонтьева / А.А.Леонтьев. – М.: Смысл, 2003.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А.Леонтьев. – Изд.4-е, стереотипное. – М.: Комкнига, 2007. – 312 с.

Леонтьев А.А. Психология общения: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / А.А.Леонтьев. – Изд.5-е стереотипное. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. – 368 с.

Leontyev A.A. Russian for Tourists / V.G.Kostomarov, A.A.Leontyev. – Moscow: Russian Language Publishers, 1978. – 200 p. *Английский вариант* книги.

Leontjew A.A. Russisch für Reisende / V.G.Kostomarov, A.A.Leontjew. – Moskau: Russkij Jazyk, 1978. – 199 S. *Немецкий вариант* книги.

Leontyev A.A. Psychology and the Language Learning Process / A.A.Leontyev / Language teaching methodology series. – Oxford etc.: Pergamon Press, 1981. – XIII+159 p.

Leontyev A.A. Il russo per turisti / A.A.Leontyev, V.G.Kostomarov. – Mosca: Lingua Rssa, 1985. – 182 p. *Итальянский вариант* книги.

Leontyev A.A. Il russe pour les touristes / A.A.Leontyev, V.G.Kostomarov. – Moscou: Russki yazyk, 1985. – 173 p. *Французский вариант* книги.

Леонтьев А.А. Жизненный и творческий путь А. Н. Леонтьева: Текст вечерней лекции / А.А.Леонтьев. - [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.psy.msu.ru/people/leontiev>.

Основные работы о А.А.Леонтьеве

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф.Тарасов. – М.: Изд-во «Наука», 1987. – 168 с.

Поверх барьеров: человек, текст, общение: Тезисы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.А.Леонтьева / Отв.ред. Д.А.Леонтьев. – М.: Смысл, 2006. – 332 с.

Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сборник научных работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / Под ред. Т.В.Ахутиной, Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2008. – 391 с.

Т.Н. Ушакова

Житель Доброго города
(Заметки о встречах с А.А. Леонтьевым)

Думаю, Алексей Алексеевич с раннего возраста дышал атмосферой знаменитости своей семьи. Сужу об этом потому, что мне довелось познакомиться с некоторыми сторонами жизни семьи Леонтьевых, оказавшись в соседстве с ними по Новопесчаной улице в конце 1950-х годов. Однажды кто-то из моих знакомых указал мне глазами на молодого человека, стоявшего на троллейбусной остановке у площади, и сказал «Это сын нашего Леонтьева». Алексей Николаевич был для нас в то время важнейшей фигурой психологического сообщества. Встретить его сына на улице, а в других случаях и наблюдать его издали, было весьма любопытно.

Полагаю, я была не одна среди такого рода наблюдателей. На Новопесчаной улице в начале 1950-х годов был отстроен ряд жилых домов для элитной части московских жителей. В них поселилась целая колония психологов. Возле магазина «Диета» имел квартиру знаменитый академик Б.М.Теплов с семьей (д.19). Семья А.Н. Леонтьева жила в квартире так называемого «Академического дома» (д.24), построенного для Академии педагогических наук (АПН), теперь – Академия образования (РАО).

Здесь был главный оплот психологической колонии. Многим из сотрудников Психологического института АПН была предоставлена «жилплощадь» в этом доме. Не квартиры, как мы подумали бы теперь, а преимущественно отдельные комнаты в 2-х, 3-комнатных квартирах, т.е. попросту в «коммуналках». Например, мой учитель Евгений Иванович Бойко (зав. лабораторией) с женой имел небольшую комнату в 2-комнатной квартире, а за стеной своей комнаты – сотрудницу лаборатории А.В. Запорожца в Институте психологии очаровательную Ядвигу Зеноновну Неверович. Соседи мирно делили общую кухню, туалет, ванную. Не очень комфортным, думаю, было такое «коммунирование», но оно не было единичным случаем в доме. А подвальное помещение вообще служило общежитием для аспирантов Института. Можно видеть, что могло набраться немало желающих наблюдать за жившими в отдельной квартире Академического дома Алексеем Николаевичем и его домочадцами.

Бывавший в доме Леонтьевых известный психолог Николай Иванович Жинкин как-то рассказал, что, приходя к Алексею Николаевичу, он постоянно видел Алешу пишущим что-то. Детским компаниям сын Алексея Николаевича предпочитал свою деятельность за письменным столом. Было ли это подражанием безусловному авторитету отца или рано пробудившимся интересом к выражению себя через слово? Николай Иванович не знал ответа на этот вопрос. Я же думаю: чем бы ни была вызвана недетская тяга Алешки к письменному слову, не она ли заложила основу и привычку к долгой работе над текстами, не она ли облегчила тяжкий взрослый труд по написанию и изданию 30 научных книг и более 800 статей, созданных Алексеем Алексеевичем?

Видимо, Алеша Леонтьев рано начал интересоваться умственным трудом. Будучи на улице, он обычно был спокоен, безмятежен, погружен в себя. Лицом сильно походил на отца, но выражение его было свое. Сколько видела его, всегда

Будущий академик в ранней юности

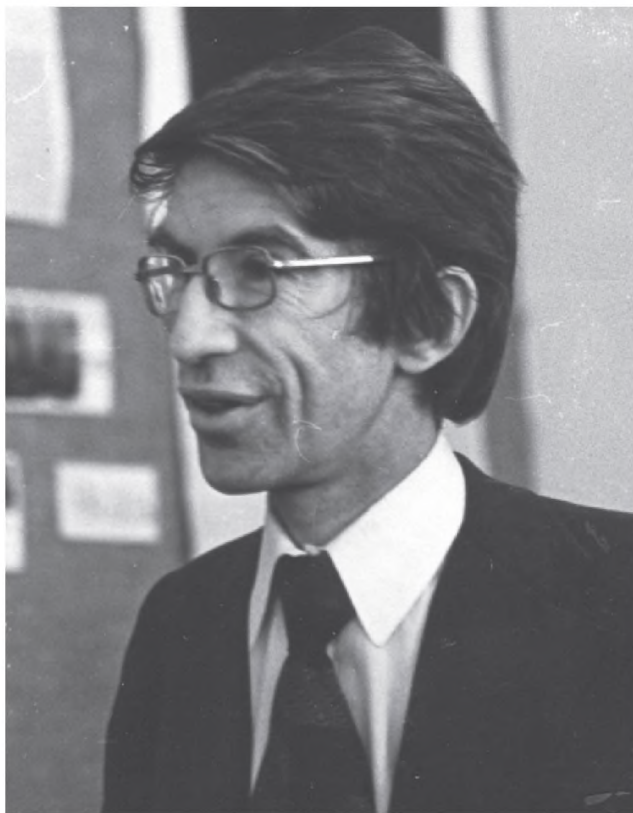
имел при себе очень большой портфель, едва не волочившийся по земле. В то время он, кажется, учился на филологическом факультете МГУ, романо-германском отделении.

Много позднее, в 1970 году, я по-настоящему познакомилась с Алексеем Алексеевичем. Встреча с ним имела для меня большое значение и была счастливой.

Алексей Алексеевич был тогда неслышанно молодым доктором наук (32 года!). Защита его диссертации по филологическим наукам успешно прошла в 1968 году.

В студенчестве

В 70- годы

Он разработал тему «Теоретическая проблема психолингвистического моделирования речевой деятельности», которая, на мой взгляд, была уже прегантна психолингвистикой. По моему давнему пониманию, психолингвистика – это направление, исследующее природу и жизнь человеческого языка и речи при использовании неразделимых по своей сути психологической и вербальной сторон предмета. При нашей первой встрече, помню, Алексей Алексеевич осторожно высказал свое убеждение в близости лингвистики и психологии, в чем нашел мое полное согласие.

Был он в то время семейным человеком, папой своего в тот год 10-летнего первенца Дмитрия и близнецов Гоши и Маргариты (от второго брака). Впрочем, это не служило ему препятствием тому, чтобы с интересом реагировать на появление свежего женского лица на его горизонте. Думаю, и он встречал вокруг себя немало горящих женских глаз. Важно также отметить, что он был успешен по служебной линии и быстро продвигался. Это была счастливая пора его жизни.

Однако вернемся к моей с ним встрече. Она была вызвана делами, связанными с организацией моей докторской защиты. Ученый совет Психологического института АПН (председатель проф. А.А. Смирнов) наметил А.А. Леонтьева в качестве одного из официальных оппонентов на моей защите. В.Д. Небылицын, столь же ранний блестящий доктор (по психологическим наукам) и заместитель председателя Ученого совета, обратился к Алексею Алексеевичу, чтобы пригласить в Институт для встречи со мной и передачи необходимых материалов.

Там и состоялось наше знакомство. Помню, мы расположились на 2-м этаже Психологического института в малом зале – торжественной и красивой комнате с психологическими приборами, стоящими в стеклянных шкафах вдоль стен. Институт располагается в историческом здании особняка, построенного в центре Москвы в начале 20-го века для нужд психологических исследований. Владимир Дмитриевич представил меня Алексею Алексеевичу и скоро оставил для последующего разговора. Естественно, я была взволнована, меня обуревали чувства робости и почтения к более молодому, чем я, моему официальному оппоненту. Казалось, Алексей Алексеевич почувствовал это и был прост, доверителен, изысканно внимателен. Он рассказывал о своей докторской защите, о желании сблизиться с психологическими кругами, делился своими представлениями о психолингвистических исследованиях на Западе.

Его последующий официальный отзыв был великодушным и благожелательным, что было важно для меня, поскольку прохождение моей диссертации было не очень простым делом.

По окончании процедуры защиты за праздничным столом в модном в то время московском ресторане «Арагви» Алексей Алексеевич, мой сосед слева, был искренне веселым, склонен к доверительному разговору¹. Он поведал, что ведет список диссертаций, где выступал оппонентом. Список в то время был еще коротким,

За праздничным столом

¹ Во избежание ненужной ошибки, уточню, что автора этого текста на фотографии нет.

а моя защита в нем, насколько помню, – первая докторская. Я увидела в ведении такого списка черточку детской игры, и это показалась мне трогательным. Еще, помню, он охотно рассказывал о своей маме, называя ее по имени и отчеству Маргаритой Петровной. Вспоминал небольшие события домашней жизни.

Нет нужды объяснять, что после личного сначала чисто делового, а позднее и почти дружеского контакта с Алексеем Алексеевичем, я стала внимательнее относиться к его публикациям и организационной деятельности. Было не сложно заметить, что в них поселилась, растет и зреет некая большая идея, отчасти похожая на мечту. Позднее она ярко развилась как идея о продвижении в нашей стране новой науки психолингвистики, объединяющей усилия и накопленный багаж лингвистики и психологии. Публикации Алексея Алексеевича с использованием термина «психолингвистика» начались очень рано, еще до его защиты кандидатской диссертации, по сути, с начала 1960-х годов и были, безусловно, пионерскими. Хоть им и предшествовала небольшая книжка О.С.Ахмановой («О психолингвистике», М., 1957), они явно превосходили ее по своей информационной силе, а тем более по наличию оригинального предложения по конкретизации вектора развития темы. Сам Алексей Алексеевич, по-видимому, придавал значение своей публикации «Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи», вышедшей в Москве в 1961 году в сборнике «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». Наибольшее влияние, однако, получила его книга «Психолингвистика» (Л.: Наука. 1967).

В предисловии книги автор выделяет в ней несколько целей. Первой называется цель информационная. Совершенно справедливо А.А. Леонтьев пишет, что «не существует литературы на русском языке, из которой можно было бы почерпнуть необходимые сведения об основных чертах американской психолингвистики. Что касается аналогичных направлений в науке других стран, то о них, насколько нам известно, вообще неоткуда узнать».

Следует дополнительно учесть, что интерес к «буржуазной науке» не очень поощрялся в то время. Не случайно были в ходу такие несущие угрозу понятия, как «низкопоклонство перед Западом», «космополитизм», «космополит».

Возможно, отчасти поэтому в области психолингвистики не имел освещения такой фундаментальный факт, как издание книги «Psycholinguistics//A Sygvey of Theory and Research Problems/ Ch.E.Osgood & T.A.Sebeok (Ed.). Baltimore, 1954. Книга была создана на основе работы семинара под руководством психологов Чарльза Осгуда и Джона Кэрролла, а также семиотика Томаса Сибеока. На семинаре, в течение нескольких дней работавшего на базе Университета Индиана, США, были разработаны теоретические основания новой науки, намечены основные направления экспериментальных исследований, активно продвигался термин «психолингвистика». Заметим также, что Ч.Осгуд, видимо, в известной мере не удовлетворенный бихевиористским характером заложенных в книгу идей, развил позднее оригинальное направление, названное им «психосемантикой» (Ч.Осгуд, Дж.Сузи и П.Танненбаум «Измерение значения», 1957 (The Measurement of Meaning)). Это направление было впоследствии успешно развито в нашей стране.

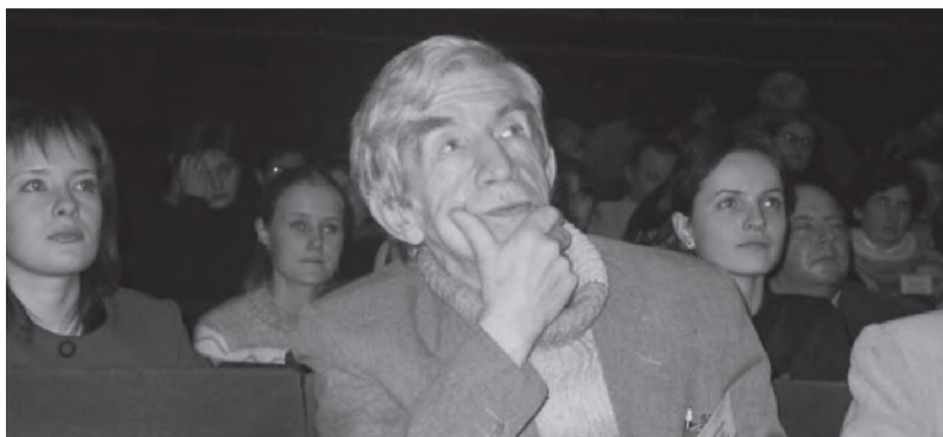
Алексей Алексеевич смело преодолевал существующий информационный барьер. В книге 1967 г. он представляет работы Б.Ф. Скиннера; посвящает главу психолингвистическим исследованиям в странах зарубежной Европы и Японии; находит и описывает психолингвистические исследования в Советском Союзе.

В обрисованной ситуации становится понятной подчеркнута информационная направленность книги А.А.Леонтьева «Психолингвистика». Книгой не просто заинтересовались специалисты близких областей. Она меняла исследовательские ориентиры, манила в новую неизведанную и привлекательную страну.

Другая цель, решаемая в рассматриваемой книге, состояла, по словам Алексея Алексеевича, в обобщении и частичном анализе тех психолингвистических исследований, которые велись и ведутся в нашей стране. Дело в том, что было недостаточно объявить рождение новой науки. Нужно показать, по какому пути она должна идти. Американские ученые (Ч.Осгуд и др.) видели развитие психолингвистики через опору, в основном, на психологические разработки поведенческой стороны функционирования человека, анализ медиативных (ассоциативных) процессов. Французские психолингвисты направили внимание на эпистомологические исследования Ж. Пиаже.

Думаю, это было очень важно – определиться в выборе вектора развития новой науки – и, соответственно, – высоко значимая для Алексея Алексеевича часть его книги. По моему мнению, она могла составить для него наиболее волнующую часть разработки психолингвистической темы, как бы счастливое совпадение разработок высоко авторитетного отца, Алексея Николаевича, и самого Алексея Алексеевича. В нашей стране такой опорой для психолингвистики, по мысли Алексея Алексеевича, могла стать психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева, охватывающая большую часть личности человека. В самом деле, легко обнаруживается, что основные элементы схемы деятельности человека (мотив, цель, совершаемые действия, результат действий) обнаруживают свое соответствие в совершаемой человеком речи, которую можно квалифицировать как речевую деятельность. Теорию речевой деятельности Алексей Алексеевич развивал и конкретизировал в последующих многих своих работах.

Не все близкие по интересам к психолингвистическому направлению специалисты приняли предложение Алексея Алексеевича. Замечательно при этом то обстоятельство, что это совсем не стало причиной борьбы с ними или вытеснения из психолингвистического сообщества.

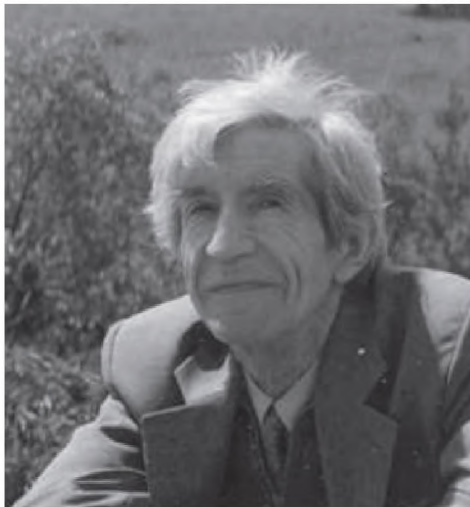
А.А. на семинаре

Такое сообщество активно развивалось с 1960-х годов в Институте языкознания АН. После публикаций Алексея Алексеевича многие обнаружили в своих работах психолингвистическую струю. Таких оказалось немало, Алексей Алексеевич щедро и широко приглашал желающих для участия в организованном им в 1966 г. семинаре. После нашего знакомства и я получила приглашение принять в нем участие, что было с благодарностью мной принято. Свое значение семинар сохраняет и в наши дни, регулярно собирая сотни участников из разных концов страны под эгидой Института языкознания РАН и стараниями учеников Алексея Алексеевича.

Определившись в своей теоретической позиции, Алексей Алексеевич, естественно, стал углубляться в психологическую науку. Его признание на моей защите об интересе к психологическим работам оказалось серьезным. К 1975 году он подготовил докторскую диссертацию по психологии «Психология речевого общения» и успешно защитил ее на психологическом факультете МГУ.

После 1975 г. мои контакты с Алексеем Алексеевичем и психолингвистическим сообществом в целом несколько ослабели. Причиной с моей стороны явилось то обстоятельство, что я перешла на работу в Институт Высшей нервной деятельности АН. По приглашению директора Э.А. Асратяна, я организовала и заведовала там Лабораторией высшей нервной деятельности человека, надеясь иметь лучшие условия и возможности развивать мои интересы по сравнению с теми, какими я располагала в Институте психологии АПН.

Регулярные встречи и контакты с Алексеем Алексеевичем возобновились уже в стенах Российской академии образования, куда я была избрана в 1990-м году. Там, в 1997 г. я получила от Алексея Алексеевича замечательный подарок – сборник его стихов «Добрый город».

Житель доброго города

Как иначе, чем в стихах, так полно и искренне отражается то самое, упоминание чего самым тщательным образом избегается академическими психологами – *душа человека*? В сборнике я нашла это отражение и поняла, что Алексей Алексеевич всегда был поэтом – в жизни и в науке. Он был жителем обрисованного им Доброго города, жителем Доброго душевного мира.

Б.Х. Бгажноков

Ученый-романтик

Как всякий большой и яркий ученый Алексей Алексеевич был и всегда оставался романтиком. Романтикой наполнены его выдающиеся научные труды, великолепные стихи, теплые отношения с людьми – с близкими родственниками, друзьями, коллегами, учениками.

В людях он всегда выделял и подчеркивал что-либо необыкновенно значительное, заслуживающее особого внимания, признания, восхищения. Преклонялся перед своими знаменитыми учителями и наставниками, высоко ценил дружбу с известными учеными, с которыми связала его судьба. С особой теплотой отзывался о молодых ученых, работавших в возглавляемой им группе психолингвистики: о Юрии Сорокине, Саше Шахнаровиче, Евгении Федоровиче Тарасове, Наташе Уфимцевой, Але Ивановой и др. Любил и опекал многочисленных аспирантов, бескорыстно помогая им во всем. В 1979 г. Алексей Алексеевич подарил мне свою книгу «Педагогическое общение» с трогательной надписью: «Другу, сыну, ученику...». Обожая своих собственных детей (а их было четверо) он был благородным и любящим отцом, дал им прекрасное образование и воспитание, сумел сплотить вокруг семейных традиций, историй, ценностей, связанных во многом с родителями Алексея Алексеевича, с его знаменитым отцом – Алексеем Николаевичем Леонтьевым.

В свою очередь Алексея Алексеевича все уважали и любили за его талант, чуткость, сочувственную благожелательность. Многие называли ласково: «Алеша», восхищались его познаниями и успехами в науке. Поражала воображение страстная, деятельная натура и жизнь Алексея Алексеевича. Число его научных трудов и достижений росло вместе с числом новых увлечений и привязанностей, а любовь к женам и женщинам – возвышенная, благородная служила источником новых сил и вдохновения. Одно из стихотворений Алексея Алексеевича так и называется – «Вдохновение».

Ты не рассталась бы со мной,
Когда бы стала мне женой,
Моею правою рукой,
Моей заботой и тоской...
Но я сказал тебе: – Сгорим.
Стань вдохновением моим!

Женщины, которыми увлекался Алексей Алексеевич, были все его женами – реальными или воображаемыми. При этом каждый раз он заметно преображался, был готов целиком отдаться, принести себя в жертву новому чувству. Стихотворение Рильке «Жертва» не случайно оказалось в поле внимания Алексея Алексеевича, и было переведено им с блеском:

Каждый нерв во мне сегодня дышит
Счастьем знать, что есть на свете – ты.
Я иду и стал стройней и выше,
Я сжигаю за собой мосты.
Опадает все, что обветшало,

Как сухие листья, на пути,
Ты дорогу эту указала,
Я иду. Ты ждешь меня: прости.
Смоляными косами твоими
Разожжен огонь у алтаря.
Все, что нес я тропами глухими,
Исчезает в благовонном дыме
И преображается, горя.

В конце 1970-х годов Алексей Алексеевич жил один, снимая комнату в двухкомнатной квартире на Кутузовской. В 1977, 1978, 1979 годах я навещал его здесь, иногда жил вместе с ним, оставался на квартире, когда Алексей Алексеевич уезжал за границу или в другой город. Хозяйка квартиры – Тамара Петровна, прекрасная пожилая женщина, баптистка – относилась к своему квартиранту и ко мне с большим вниманием, пониманием, тактом. Пригласив к себе на кухню, она угощала нас чаем, кофе, сладостями и приятно с нами беседовала, рассказывала о вере, о своем участии в жизни баптистской церкви. Своей отеческой заботой об Алексее Алексеевиче она напоминала мне одну из его тещ – Гиту Абрамовну.

По утрам Алексей Алексеевич, не вставая с кровати, выкуривал сигарету и рассказывал мне что-либо об очередном Ученом совете, о поездке на конференцию, о людях, которые привлекли его внимание, об услышанном анекдоте. Время от времени он зачитывал свое очередное стихотворение. Постоянно говорили мы о науке и специфике научного труда, о личности ученого и о его роли в жизни общества. Запомнилось, как Алексей Алексеевич однажды сказал: «Ученый должен отлично знать свой предмет, но иметь представление о всех смежных областях». Я понимаю теперь, что эти беседы определили во многом характер некоторых моих научных трудов, в том числе полемической статьи «Об этической позиции ученого в этнографическом исследовании», таких книг как «Основания гуманистической этнологии», «Антропология морали».

Оставаясь в комнате один, я рылся в огромной библиотеке Алексея Алексеевича и читал запоем все интересное, что попадалось. Одной из достопримечательностей квартиры был также бар, в котором стояли десятки бутылок виски, водки, коньяка, вина. Обнаруживая, время от времени, что его книги на полках лежат в некотором беспорядке, а содержимое бутылок сокращается, Алексей Алексеевич только посмеивался, но никогда не показывал своего недовольства. Однажды, на квартиру позвонил известный психолог Леви и сказал, что хочет вернуть Алексею Алексеевичу долг 300 руб. (большие деньги по тем временам). Сам Алексей Алексеевич был в это время в командировке, поэтому я поехал с одним из моих друзей и забрал у Леви деньги. В тот же день мы потратили эти деньги.

Память об Алексее Алексеевиче связана у меня со счастливым и безоблачным временем нашей затянувшейся юности и оттепели. Весной 1985 г. Алексей Алексеевич приехал в Нальчик и жил с нами неделю. Потом отдыхал в горах. Чувствовалось, что он переживает и старается осмыслить что-то очень важное в своей жизни, стоит перед каким-то сложным выбором. Меланхолично осматривая и перебирая мою библиотеку, и, наблюдая за тем, как я живу, работаю, воспитываю сына,

он однажды сказал мне: «Не суетись, когда надо оставаться спокойным и не впадай в оцепенение, когда следует действовать». Хороший совет. Но как узнать, когда нужно действовать, а когда воздержаться. Задав этот вопрос Алексею Алексеевичу, я услышал многозначительное: «Ну уж...».

Тогда никто не понимал, насколько все мы уязвимы перед этим выбором.

События 90-х годов многих озадачили. Особенно людей нашего поколения, у которых лучшие годы остались позади. Стремясь успокоить беспокойную душу, Алексей Алексеевич пишет: «В часы раздумий, обращаясь вспять, / Я б ничего не захотел менять». Чувствуется в этих словах что-то совсем другое – подспудное недовольство собой, необъяснимая горечь и тоска по прошлому, по ушедшей молодости. Тогда жизнь была через край, была полна ожиданий славы, новых открытий, удач. И нового счастья. Тогда люди не изменяли себе и были тверды в своих убеждениях. Кажется, перемены – внешние и внутренние – не радовали Алексея Алексеевича. Об этом его замечательное стихотворение «Исповедь командора»:

Возраст Пушкина миновал,
Возраст Лермонтова – тем паче...
Откатился девятый вал,
Что кого-то из нас бросал
На постель к Госпоже Удаче.
Вундеркинды – пенсионеры.
Самородки легли песочком...
Есть расчетливость – нету веры.
Изменились числа и меры.
Не летим – шагаем по кочкам.
Тот гуляет по дальним странам,
Тот штурмует бумажные горы...
Был железным ты – стал стеклянным.
Трудно нынче жить Дон Жуанам.
Подаемся все – в Командоры.

Жить осталось такую малость –
Так ослабим в себе струну...
...Это возраст или усталость?
Обернитесь: что с нами случилось?!
Как я сыну в глаза взгляну?!

Летом 2003 г. будучи в Москве, я позвонил Алексею Алексеевичу, желая с ним увидеться. Он был очень рад и сожалел, что встреча невозможна, так как с минуты на минуту уезжал в аэропорт и улетал. Кажется, в Италию.

Это был последний наш разговор. Жаль, что он был таким коротким.

Ли Тоан Тханг

Незабываемые воспоминания о моем учителе
Алексее Алексеевиче Леонтьеве

В 1968 году я окончил филологический факультет государственного университета в Ханое, а в 1969 г. начал работать в Институте языкознания (Комитет общественных наук Вьетнама, ныне Академия общественных наук Вьетнама) сначала в отделе лексикографии, затем в секторе грамматики.

В 1973 году в Институте я был выбран как «будущий» аспирант, т.к. был одним из победителей государственного конкурса. По предложению директора Института я выбрал тему кандидатской диссертации, связанную с психолингвистикой. В результате поисков книг советских и российских психолингвистов я нашел всего две книги Алексея Алексеевича Леонтьева: «Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности» (М.: Наука, 1965) и «Психолингвистика» (Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967). После их прочтения я запомнил эту фамилию: Леонтьев – крупный ученый, пишущий о психолингвистике.

Потом меня вызывали в спецшколу русского языка, которая существовала для тех, кто должен был поступать в аспирантуру в Советском Союзе. Спецкурс длится один год (если поступить в аспирантуру в Германии, то надо было изучать немецкий язык, тогда как для учебы в других странах, таких как Польша или Венгрия, надо было изучать английский язык). В течение этого учебного года мне предстояло найти в Советском Союзе какой-нибудь институт или университет, который согласился бы принять меня как аспиранта; в противном случае мне пришлось бы ждать «вызова» в будущем году (а как говорит известная поговорка, *Tomorrow never come!*).

В конце учебного года при содействии Министерства Просвещения Вьетнама я получил официальное письмо, в котором говорилось, что меня согласны принять в аспирантуру ЛГУ, под руководством (если я правильно помню) Павлова. Конечно, я тогда был расстроен, так как знал только фамилию Леонтьева, а Павлова не знал: не знал кто он такой, не видел его книг во Вьетнаме, поэтому полагал, что он, видимо, не ведущий психолингвист в Советском Союзе.

Однако другого выхода не было, и в один прекрасный день я сел в поезд с очень длинным маршрутом: Ханой – Пекин (Китай) – Улан-Батор (Монголия) – Москва. Однако в моей голове уже созрел план: я решил поискать возможность остаться в Москве на несколько дней и увидеть Алексея Алексеевича Леонтьева.

Моя поездка длилась около двух недель: сначала на китайском поезде, затем на российском. В каждом поезде – своя кухня со своими блюдами, что было для меня очень интересно.

А самым скучным был, наверное, участок дороги через Монголию: весь день мы видели только степь и линии электропередач вдоль железной дороги. Очень редко попадались палатки с людьми внутри.

Самым красивым оказался участок дороги, проходящий вдоль озера Байкал в Сибири. В то время была осень, и леса были золотисто-желтыми, великолепными, как на картинах Левитана.

Самой веселой стала поездка в русском поезде, потому что у нас (пассажиров-вьетнамцев) была возможность поговорить по-русски с «настоящими» русскими. Много было смешных историй из-за неправильного использования слов или выражений.

Наконец я приехал в Москву – столицу Советского Союза, который вьетнамцам в то время казался настоящим раем для человека...

Когда я был мальчиком, мне сделали по гороскопу предсказание о том, что я буду учиться за границей и что жизнь моя будет удачной во всем. И действительно, во многом так и было.

Вместе со мной в поезде ехала аспирантка, которая тоже, как и я, собиралась учиться в Ленинграде. Между нами, однако, была принципиальная разница: если я ехал в Россию впервые, то она была уже студенткой и четыре года училась в Москве. Как и я, она хотела остаться в Москве, так что у меня появился союзник: я смог поехать вместе с ней в Посольство Вьетнама, чтобы получить разрешение остаться в Москве на несколько дней для поиска подходящего места учебы.

Мне повезло, что в это время в Институте языкознания АН СССР в Москве учился стажер из Вьетнама Хоанг Ван Ма, который, как и я, являлся сотрудником Института языкознания Вьетнама (мы познакомились еще в Ханое). Когда я приехал в Институт языкознания, Ма встретил меня и повел к Алексею Алексеевичу.

До сих пор я ясно помню свои ощущения в тот день. Увидев Алексея Алексеевича, я был ошеломлен. В моем воображении я представлял его похожим на героя русских фильмов (которые показывали в Ханое): большим, высоким и сильным. А он оказался маленький и худым. Неужели это тот самый Леонтьев, книги которого я читал в Ханое?!

Через две-три минуты, придя в себя, я начал объяснять причину моего появления в институте, но, наверное, не очень понятным русским языком. Хоанг Ван Ма помогал мне, затем ушел по делам и я остался один на один с Алексеем Алексеевичем. Он сказал мне, что я могу говорить по-французски (я четыре года учился французскому языку в Ханойском университете), а в конце беседы согласился принять меня в качестве аспиранта и обещал подготовить официальное письмо для нашего Посольства.

Вот так я получил разрешение остаться в Москве, учиться в аспирантуре Института языкознания АН СССР – в самые прекрасные годы моей молодости, в возрасте 27 лет, к тому же был еще не женат.

В течение этих лет самыми запоминающимися для меня стали следующие события.

В соответствии с положениями Академии наук СССР в первый год аспирантуры я имел право изучать русский язык в учебном центре при Академии наук (на улице Дмитрия Ульянова). В результате я очень редко бывал в Институте языкознания у Алексея Алексеевича (он бывал там почти ежедневно в Секторе психолингвистики и теории коммуникации). В первый же день он сказал мне, что надо заранее продумать три темы для моей кандидатской диссертации, и после обсуждения посоветовал мне выбрать одну из них, посвященную порядку слов (впоследствии тема диссертации – «Лингвистические и психолингвистические факторы словопорядка во вьетнамском языке»).

Однажды, по-видимому, в конце 1974 года, Алексей Алексеевич велел мне написать доклад для Всесоюзного Семинара по психолингвистике и теории коммуникации (в Ленинграде). Хотя я согласился, но чувствовал сильный страх, так как я только недавно приехал в Москву, недостаточно знал и русский язык, и саму психолингвистику.

Но, как говорят на Востоке, «Бог и Будда благословят тебя»: я успешно завершил статью на тему «Система вокативных терминов родства в современном вьетнамском языке» (позже она была опубликована в книге «Национально-культурная специфика речевого поведения», Москва, 1977). К счастью, Алексей Алексеевич разрешил мне участвовать в семинаре. В Ленинграде я увидел Павлова – того, кто чуть не стал моим научным руководителем.

В течение четырех лет аспирантуры, каждый раз, бывая в Институте, я видел Алексея Алексеевича, здоровался с ним, и он всегда меня спрашивал, мягко и вежливо:

– Как идут дела, Ли? (мое имя Тханг, но поскольку его трудно произносить, я предлагал называть меня по фамилии: Ли).

Я коротко отвечал:

– Спасибо. Хорошо.

И он всегда говорил:

– Идите и думайте.

В течение этих четырех лет я никогда не задавал Алексею Алексеевичу каких-то вопросов по специальности диссертации, за исключением следующего случая: однажды я попросил его рассказать о концепте «операция». Он назвал две или три книги, а затем опять сказал свои любимые слова:

– Идите и думайте.

4) Когда я представил мою кандидатскую диссертацию в 1978 году, Алексей Алексеевич как научный руководитель написал о ней очень хороший отзыв, в котором имеются два следующих важных пункта:

а) Алексей Алексеевич предлагал мне остаться в Москве, чтобы продолжить учебу в докторантуре. (К сожалению, руководство нашей Академии общественных наук не поддержало этого предложения и потребовало моего возвращения домой). Только через семь лет, в 1986 году, я опять вернулся в Россию в качестве научного сотрудника Института языкознания РАН. Здесь в 1993 году я защитил свою докторскую диссертацию на тему «Пространственная модель мира: Когниция, Культура и Этнопсихология». В течение этих семи лет с перерывами от 1979 до 1986 много людей в Москве помогали мне, чтобы я смог приехать и поступить в докторантуру: особую роль тут сыграли Вадим Михайлович (Солнцев) и мой любимый, верный друг – Наталья Владимировна (Уфимцева).

б) Алексей Алексеевич предсказал, что я буду лидером языкознания во Вьетнаме в будущем. Это потом произошло так: в 1981 году я был выбран секретарем Ученого совета Института языкознания, потом заместителем директора Института (1984), и затем директором Института (1995 – 2007).

С того момента я приехал в Москву в 1996 году, начал работать над докторской диссертацией и видел Алексея Алексеевича редко, два-три раза в год. Часто во время нашего традиционного Нового Года (по лунному календарю, как правило,

в феврале) мы с женой приглашали его семью на обед или ужин к нам на квартиру (на улице Академика Капицы). Для этих редких встреч было много причин: он уже не работал в Институте языкознания РАН; у меня уже была семья. Также моим научным консультант был уже не он, а академик Ю.С.Степанов. Когда я поступил в докторантуру, меня вызвал директор Института (в то время Вадим Михайлович Солнцев) и спросил, кого бы я хотел иметь научным консультантом. Конечно, я назвал Алексея Алексеевича, но В.М. Солнцев сказал, что будет удобнее, если это будет человек, работающий в Институте.

Хотя мы встречались редко, я всегда чувствовал любовь и заботу Алексея Алексеевича. Каждый раз, когда у него выходила новая книга или статья, он дарил их мне, сопровождая краткой и трогательной надписью: «Ли, дружески и с уважением от автора». Когда же у меня появлялась какая-то статья (рукопись), он очень внимательно читал ее и давал мне полезные советы. Помню один случай: я написал первую статью во время учебы в докторантуре, Алексей Алексеевич похвалил меня и рекомендовал опубликовать ее в журнале «Вопросы языкознания» («К вопросу о пространственной ориентации во вьетнамском языке в связи с картиной мира», №3, 1989). Через несколько дней после заседания редколлегии в Институте он вошел в мою комнату, обнял меня, засмеялся и сказал: «Ли, дорогой! Твоя статья прошла. Много похвал. Это не победа, а триумф!» Никогда в моей жизни я не видел его таким же возбужденным и искренним, какими бывают только дети.

Последний раз, в 2004 году, я видел Алексея Алексеевича уже в больнице. Он выглядел худым и бледным, но по-прежнему был в оптимистичном спокойствии. Мы посидели с ним минут десять, беседуя о наших делах, наших семьях.

Через некоторое время, уже будучи во Вьетнаме, я услышал, что он обрел вечный покой.

Впоследствии во время своих командировок в Москву (по линии Академий наук между Вьетнамом и Россией) я два-три раза посещал семью Алексея Алексеевича на Ленинском проспекте. И каждый раз, когда я вижу его сына Льва – его копию, то всегда бываю глубоко тронут, как будто бы я вижу его опять...

*Ханой,
6 Февраля 2016 года, в наступающие дни Нового Года «Обезьяна»*

Т.Н. Наумова

Мой незабываемый Учитель

В многочисленных публикациях об Алексее Алексеевиче Леонтьеве на Интернетe (см., в частности, www.psy.msu.ru/people/obituary_aaleontiev.html) отмечается, что он является автором более 900 научных трудов и что более 80 его учеников стали кандидатами и докторами наук. Одной из его первых учениц была и я.

Я впервые встретила с Алексеем Алексеевичем на 2-ом Всесоюзном Симпозиуме по психолингвистике (Москва, 1968), на который Леонид Владимирович Сахарный привез из Перми несколько своих учеников. Помню свое потрясение от выступлений А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой и что мне тогда казалось, что и жизни не хватит, чтобы войти в этот мир науки.

А через год я поступила в аспирантуру на кафедре общего языкознания МГУ и по договоренности с Юрием Сергеевичем Степановым (зав. кафедрой общего языкознания на филологическом факультете МГУ) моим научным руководителем был утвержден Алексей Алексеевич.

Так все три года аспирантуры (1970 – 1972) я и провела между МГУ, где надо было сначала утвердить тему кандидатской диссертации, потом сдавать кандидатские экзамены, впоследствии «отчитываться» перед кафедрой о проделанной работе и, наконец, защищать диссертацию на Ученом Совете филфака, и Группой психолингвистики в Институте языкознания, где в крохотной комнатке на втором этаже сначала работали только Алексей Алексеевич и Саша Шахнарович, позднее – Юра Сорокин и несколько позднее – Наташа Уфимцева. Все тогда были молодыми...

Тему кандидатской диссертации предложил мне Алексей Алексеевич, и многие встречи с ним происходили у него дома – в кабинете, заставленном книжными полками. Он закрывал дверь изнутри от 3-х летних (если память мне не изменяет) близнецов, которые время от времени стучали в дверь и хотели войти, а Алексей Алексеевич громко говорил: «Папа работает!». Он был полностью погружен в 'свой мир' лингвистики и психолингвистики, всегда поражал своей эрудицией и совершенно феноменальной памятью. Во время разговора он буквально вскакивал от своего рабочего стола, подбегал к одной из книжных полок и безошибочно доставал рекомендуемую для прочтения книгу, говоря при этом: «Обязательно прочитай (если ты не читала), перечитай Потембю. Еще нужно перечитать Пешковского...». Еще один прыжок к полкам и моментальное нахождение Пешковского или какого-либо другого отечественного лингвиста. К концу разговора стопа рекомендуемых книг все росла и росла в сопровождении устных комментариев Алексея Алексеевича.

Я до сих пор хорошо помню первое посещение рабочего кабинета, когда мне – единственному слушателю! – была прочитана фактически целая лекция по истории русского языкознания да еще и «выдана на руки» стопа книг, которая едва уместилась в предложенную мне Алексеем Алексеевичем 'сетку-авоську'. Как щедро тогда и потом *всегда* делился своим временем и своими знаниями со мной мой научный руководитель!

Я покинула дом Алексея Алексеевича и вернулась в общежитие МГУ с ощущением счастья в душе от возможности общаться с *таким исключительным* чело-

веком и желанием сделать что-то и уж никак его не подвести, хотя, честно сказать, все, что было мне предложено, было для меня в то время *'terra incognita'* – я совершенно не знала истории отечественного языкознания (результат учебы на романо-германском отделении, а также подготовки для поступления в аспирантуру на кафедре общего языкознания), и была увлечена идеями В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Л. Блумфильда, гипотезой Сепира-Уорфа и т.д.). Кстати, Алексей Алексеевич идеи этих ученых тоже знал, что неоднократно подтверждалось в наших разговорах на лингвистические темы, и не только в разговорах, о чем ниже.

Вот они – мосты между лингвистикой и психологией: Алексей Алексеевич, который в 1970-ом году был еще сам очень молодым (всего 34 года!), хотел подтверждения его собственной, уже сформировавшейся позиции о переосмыслении традиционных и установившихся взглядов на историю лингвистики – он хотел пересмотреть ее под иным углом зрения и отыскать в ней те идеи лингвистов, которые опередили свое время, были не поняты и не востребованы.

На мой взгляд, мой Учитель и сам был ученым, во многом опередившим свое время.

В течение всех лет моей аспирантуры и в дальнейшем, вплоть до 1994-ого года, когда я, выиграв в свободном конкурсе 9-ти месячную научную стажировку в США, с благословения Учителя и друга, оказалась в университете Чикаго, Алексей Алексеевич всячески поощрял мое увлечение лингвистикой *'под иным углом зрения'*, а я с первых дней общения с ним была увлечена его глубоко новаторским подходом к видению, осмыслению новых тенденций в развитии междисциплинарного подхода и его собственной концепцией.

Во время его индивидуальных *'консультаций'* во время моей аспирантуры (а по сути – зажигательных лекций) он не только книги давал: он увлекательно говорил о Льве Семеновиче Выготском, советовал посещать лекции Алексея Николаевича Леонтьева и Александра Романовича Лурия на психологическом факультете МГУ (что я и делала), буквально сыпал именами (не успевала записывать) американских психолингвистов того времени. Все это ошеломляло – в своей жизни я больше никогда не встретила человека *таких* энциклопедических знаний.

У Алексея Алексеевича я закончила второй университет.

Он *'заразил'* меня своим энтузиазмом, буквально внутренним горением (я считаю, что он *'горел'* – не жил, а горел в своем внутреннем мире – далеко не всегда понятным в то время) на долгие годы моей жизни – лингвисты XIX – первой трети XX века, А.С. Выготский, С.И. Бернштейн, М.М. Бахтин и многие-многие другие имена, впервые услышанные от него и в его, по временам, краткой, но всегда очень яркой интерпретации, вошли в мир моих научных интересов и остались там.

Все, что мною было впоследствии написано и опубликовано, всегда было сделано с оглядкой на него – Учителя!

И никогда ничего он мне не навязывал – он щедро делился своим пониманием и видением лингвистики и психолингвистики как науки и вдохновлял. После каждой встречи с ним в душе возникало ощущение праздника.

Аспиранты филфака МГУ (не только лингвисты!) мне завидовали – почти все *боялись* своих научных руководителей, и им трудно было поверить, что научный руководитель может быть *таким*, как Алексей Алексеевич.

Еще и время было такое ('годы застоя') – гуманитарные науки, включая частично и лингвистику, были политизированы, и в подавляющем большинстве слу-чаев 'общение' научного руководителя с аспирантом осуществлялось по вертикали, т.е. сверху вниз – 'начальству' все было позволено. Могло доходить и до крайностей. Приведу только один пример – это рассказ Наташи К. (фамилию не называю) – аспирантки кафедры английского языка филфака МГУ: Она с трепетом приходит к своему научному руководителю – зав. кафедрой английского языка, профессору О.С. Ахмановой, чтобы услышать ее мнение о своей первой статье. Боится, конечно. Когда Наташа входит в кабинет профессора, О.С. Ахманова поднимается из-за своего 'огромного', по словам Наташи, стола, гневно кричит: «Что за дрянь ты мне принесла?!», рвет статью и бросает ее Наташе в лицо со словами: «Вон отсюда! Все переделать!». Переделать как? Об этом ни слова – очевидно больше цитировать 'труды' самой Ольги Сергеевны плюс классиков марксизма- ленинизма.

Наташа потом долго рыдала в общежитии, хотела бросить аспирантуру и уехать домой. Мы (аспиранты филфака в общежитии) как могли, успокаивали и уговаривали ее не бросать аспирантуру. И это был далеко не единственный случай - особенно на кафедре английского языка. Тогда 'вышестоящие' могли калечить людей и их судьбы...

Сегодня даже трудно себе представить, что *такое* могло происходить в МГУ, но – увы – происходило, особенно на этой кафедре. На других кафедрах статьи или главы диссертации не рвали, но все, абсолютно все должно было укладываться в общепринятые 'каноны' – марксизм-ленинизм, точка зрения партии и ссылки только на ученых, которые никогда и ничем свое имя не 'запятнали'. От многих аспирантов об этом слышала.

Наверное, всем аспирантам страшновато приносить на суд научного руководителя свое первое (да и не только первое!) 'творение', и я не была исключением, ибо одно дело внимать учителю, когда он делится с тобой своим пониманием путей развития науки и своими собственными идеями, и совсем другое дело – принести свою первую статью или тезисы. И вот я протягиваю Алексею Алексеевичу первую 'работу' – тезисы «Гипотеза Сепира-Уорфа и семантика целого высказывания». Он тут же начинает читать, вслух делает замечания, ручкой красного цвета вносит несколько добавлений в мои параграфы, а потом говорит: «Ты знаешь, мне кажется, что еще нужно было бы добавить, что в гипотезе...». Проговаривая свое добавление вслух, тут же записывает его в тезисы с предложением: «Давай сделаем с тобой совместный доклад». Так позднее вышла в свет моя первая в жизни научная публикация в соавторстве с Учителем («Гипотеза Сепира-Уорфа и семантика целого высказывания» – «Вопросы семантики. Тезисы докладов» /АН СССР, Институт Востоковедения. М., 1971).

Все это – чтение, замечания с устными и одновременно письменными поправками и добавлениями в принесенный мной текст тезисов заняло не более 10 минут! Так я впервые увидела своими глазами, *как* читал и писал молниеносно Алексей Алексеевич (человек 'легкого пера', как написал о нем А.Г. Асмолов).

Та же ситуация повторилась 4 года спустя, когда мой уже не научный руководитель по аспирантуре, но уже научный руководитель по жизни менее, чем за 20 минут 'перекроил' мою статью с его добавлениями и опять предложил (Я подчер-

кни: *предложил* мне соавторство): «О соотношении семантики отдельного слова и семантики целого высказывания» // «Вопросы лексической семантики». М., 1975.

Стоит только удивляться и восхищаться его фантастической работоспособностью – 900 работ – это примерно около 20 работ в год в течение его научной жизни – ординарному человеку, как большинство из его учеников, это было бы просто никак не под силу, да еще и не просто какие-нибудь тезисы или статья (в случае со мной), а новаторские монографии не только в области психолингвистики, а в разных сферах гуманитарных наук.

Совершенно уникальный человек!

За исключением двух случаев соавторства, я не видела, *как* быстро работал его ум, так как первую главу моей кандидатской диссертации «Синтаксис высказывания в истории русской и советской лингвистики» Алексей Алексеевич взял для прочтения домой, сославшись на занятость (всегда был очень-очень занят!) и пригласил меня для обсуждения через пару дней.

Научные руководители в МГУ неделями 'читали' работы своих аспирантов (знаю по собственному опыту): первая работа моего будущего мужа 'сидела' у его научного руководителя, зав. кафедрой советской литературы, профессора А.И. Метченко, что-то около 3-4-х недель. Научные руководители с высоты 'своего Олимпа' филологического факультета МГУ не торопились с отзывами.

Пару дней?!

Алексей Алексеевич протягивает мне мою первую главу диссертации со словами (примерно): «Мои замечания на полях. Ты их прочтешь. Ты хорошо отнеслась к Шахматову... Обязательно удели ему больше внимания». Уделила, опубликовав статью «Понятие «коммуникации» у А.А. Шахматова («Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку», изд-во МГУ, М., 1972). Замечаний по первой главе было немного, но Алексей Алексеевич сказал: «Хорошо бы в будущем (не сейчас!) написать книгу о наших отечественных лингвистах – представителях 'психологического направления', о том, как они выходили за рамки формального подхода к изучению синтаксиса и пытались его рассматривать с позиций говорящего человека, предвосхитив появление психолингвистики».

Спустя 20 лет я защитила в Институте Языкознания докторскую диссертацию на тему «Психологически ориентированные синтаксические теории в отечественной лингвистике (XIX – первая треть XX века)» – вот такие были круги по воде от моего общения с Алексеем Алексеевичем во время учебы в аспирантуре.

Очень яркое впечатление, оставшееся даже на сегодняшний день (вообще незабываемое) произвело на меня чтение Алексеем Алексеевичем второй главы моей кандидатской диссертации – собственно психолингвистической.

По его просьбе я принесла главу ему домой (уже другой был дом). Он не предложил оставить ее для прочтения на 'пару дней', как это было с первой главой, а сказал, что читает ее сейчас же. И вот сцена: я сижу напротив его письменного стола (естественно, волнуясь) и вижу, как он берет в руки первую написанную мной страницу, буквально скользит по ней глазами с левого верхнего угла в правый нижний (молниеносно – 2-3 секунды) и откладывает ее налево от себя, потом берет в руки вторую, третью..., 15-ую страницы – и все молча. У меня в душе лихорадка (сердце начинает биться): *Что он делает?! Он читает?! – Все* страницы идут из

его рук налево и налево; *все*, что я написала, *плохо* – как я потом буду смотреть ему в глаза после такого провала? Какой стыд!

И вдруг – стоп:

Мой Учитель поднимает глаза от очередной страницы, смотрит на меня своими прекрасными большими глазами и говорит: «Он (не помню имени, но кто-то из американских лингвистов или психолингвистов того времени – Алексей Алексеевич много имен мне в течение индивидуальных консультаций ‘накидал’ для прочтения, плюс и я сама находила в Ленинской библиотеке и приносила ему новые имена в американской психолингвистике, чему он всегда радовался) – еще *и это* сказал позднее:.. Найди, Тania, и добавь сюда». И так два или три раза он останавливался и комментировал увлеченно. Все ‘чтение’ с устными комментариями моей главы (около 50 страниц) заняло не более 15-20 минут. То же самое повторилось несколько раз во время его чтения третьей главы моей диссертации.

Уникальный? – Скорее, уникальнейший человек редчайшего ума, который обладал способностью читать и перерабатывать огромное количество информации на разных языках, разрабатывая собственную новаторскую концепцию видения дальнейших путей развития науки (неизмерима его роль в создании психолингвистики в нашей стране!), человек феноменальной памяти и энциклопедических знаний; человек, обладающий редкостным даром общения с разными людьми в разных ситуациях (как в больших аудиториях – тут всегда проявлялся его ораторский дар), так и в частной беседе с коллегами и учениками, и, наконец, просто советник и друг по жизни для меня – вот таким был и есть для меня мой Учитель

В годы моей аспирантуры и много позднее Алексей Алексеевич многократно представлял меня новым людям: «Это Тания Наумова – моя любимая ученица!». Я всегда не просто смущалась; у меня просто сердце падало в груди от моего несоответствия уровню Учителя – *всегда* Алексей Алексеевич казался мне человеком, совершенно недостижимым по уровню. Я *всегда* смотрела на него ‘снизу вверх’. *Всегда*. И правильно делала.

Многие-многие годы спустя – уже оказавшись в Австралии – я получила яркий зрительный образ того, кем был Алексей Алексеевич для меня и, думаю, многих других, совершенно ординарных окружающих его людей, во всяком случае, – для меня. Это случилось во время путешествия на юг Западной Австралии, где растут деревья Карри (Karri trees) – единственное место в мире, где они растут.

Это уникальное дерево – одно из высочайших деревьев в мире – может достигать высоты 90 метров, имеет очень прямой ствол без ветвей (только крону на самой вершине!), но питает корой ствола, падающей на землю на расстоянии до 12 метров все окружающие его деревья и кусты. Редчайшее, совершенно уникальное дерево – оно буквально завораживает смотрящих на него людей.

Впервые увидев одно из этих уникальных деревьев в окрестностях небольшого городка Пембертон на юго-западе Западной Австралии, смотря снизу вверх и восхищаясь совершенно прямым стволом и кроной, я мысленно воскликнула: «Это и *есть* Алексей Алексеевич и его окружение: кто-то из нас – дерево несравнимой с ним величины, а кто-то и просто куст, но *он нас всех питает!*».

Себе я отвою роль невысокого дерева или даже куста в окружении Алексея Алексеевича, но очень сожалею о том, что в свое время Учитель вложил в меня

лично очень много, а я не совсем оправдала, как я считаю, его ожиданий, но так уж жизнь сложилась...

Не следует думать, что его новаторские идеи всеми воспринимались 'на ура' (сначала в формирующейся, а позднее сформировавшейся психолингвистической среде, в частности, на регулярно проводившихся Всесоюзных Симпозиумах по психолингвистике и теории коммуникации – да; его доклады всегда становились событием), но многим его аспирантам приходилось защищать кандидатские диссертации по специальности «общее языкознание» на заседаниях Ученых Советов филологических факультетов, которые в 70-ые годы и позднее, на мой взгляд, никак нельзя было бы считать собраниями прогрессивно мыслящих людей, легко воспринимающих и одобряющих какие-либо новые научные идеи. Многое просто сразу же отвергалось, и одобрения и поддержки не получало.

Это, в свою очередь, означает, что Алексею Алексеевичу наверняка приходилось выступать на этих заседаниях Ученых Советов со страстными речами в защиту своих аспирантов и докторантов, зачастую спасая их от провала. Я говорю, по собственному опыту, прежде всего о филологическом факультете МГУ в 70-ые годы – многие кафедры факультета были очень консервативными, а их представители 'заседали' на Ученом Совете и решали судьбы аспирантов.

Более 80 устных выступлений Алексея Алексеевича, зафиксированных в стенограммах защит, хранится в архиве ВАК – очень надеюсь, что в будущем найдется исследователь, который поднимет их из архива ВАК и проанализирует. Убеждена, что таким образом раскроется еще одна черта его многогранной личности – он был великолепным оратором, способным доказать свою позицию ярко и страстно и переубедить своих оппонентов.

У меня нет стенограмм его выступлений на защите кандидатской и докторской диссертаций, но, к счастью, сохранилось в записи на магнитофон его выступление на защите моей докторской диссертации на заседании Ученого Совета Института Языкознания Академии наук в январе 1992-ого года (записал на магнитофон мой муж), которое я приведу в конце этих кратких воспоминаний.

Спасал своих учеников? Как спасал?

У меня, например, очень яркое ощущение (до сих пор в памяти!) того, что защита моей кандидатской диссертации на заседании Ученого Совета филологического факультета МГУ (март 1973-его года) 'провалилась', возникло еще в первой половине чтения вступительного слова, когда я начала говорить о содержании второй главы диссертации – собственно психолингвистической, а не лингвистической, упомянув при этом имена Н. Хомского, Ч. Филмора, У. Чейфа – (повторяю, что эти имена я просто упомянула!) – весь пафос второй главы состоял в отстаивании приоритетов отечественной науки, но при этом возникла следующая сцена:

С трибуны диссертанта я вижу, как поднимается из своего кресла в первом ряду большая и грузная О.С. Ахманова и начинает буквально кричать, сначала смотря на Председателя Ученого Совета, а потом, обернувшись лицом назад, в зал, что она не может, *просто не может и не желает ничего слышать* об «этих новомодных теориях, в которых проповедуются взгляды наших идеологических противников» (слова-то какие: американские лингвисты или психолингвисты того времени – «НАШИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ!»), что она вынуждена по этой

причине немедленно покинуть зал заседания Ученого Совета, но «только из уважения к Алексею Алексеевичу, присутствующему здесь», она проголосует «за»; требует немедленно дать ей бюллетень для голосования (что и сделано!) и на моих глазах три раза пытается расписаться в бюллетене (а ручка не работает!). Наконец-то расписаться все-таки удалось – она еще раз поворачивается лицом к залу, показывая свой исчерканный бюллетень, и ковыляет (стуча палкой по полу – так осталось в памяти) к двери зала. Удаляется из зала заседания, напоследок хлопнув дверью.

Вот какой мощный был протест! А я? Ноги от *такой* эмоционально насыщенной сцены буквально подкосились за трибуной, не знала, что делать и стоит ли мне вообще продолжать, но взглянула на Алексея Алексеевича, и он рукой дал мне знак продолжать.

Все последующее осталось в голове как в тумане – отзывы официальных оппонентов – доктора филологических наук В.Г. Гака и кандидата филологических наук А.Р. Бабаяна были очень положительные, но я и до сих пор считаю, что *только* благодаря долгому и страстному выступлению моего Учителя члены Ученого Совета проголосовали за присуждение мне ученой степени кандидата филологических наук.

Вот такие «шекспировские» страсти могли разыгрываться в годы застоя во-круг новых идей! Не стоит и говорить о том, что мне очень бы хотелось прочитать стенограмму того заседания Ученого Совета и выступления Алексея Алексеевича.

Да и спустя почти 20 лет (в начале 90-х годов) Учителю приходилось *отстаивать* свои идеи – научная лингвистическая среда, слегка видоизменившись под влиянием разного рода перемен в обществе, продолжала все-таки цепко цепляться за старое, казалось бы, на долгие годы установившееся, привычное...

Догадываюсь, что путь Алексея Алексеевича со всеми его новыми идеями, как и путь любого ученого, *далеко* опередившего свое время, совсем не был усыпан розами, но *никогда, ни разу* – в течение более, чем 25-ти лет моего общения с ним, не видела я моего Учителя подавленным, чем-то угнетенным (иногда усталым – да); наоборот: *всегда* – с улыбкой, *всегда* – полон новых идей и планов, *всегда* просто горит, а не живет; *всегда* влюблен в то, что он делает, и в интересных людей. Мог и влюбиться (и влюблялся!).

Какой-то огромнейший фонтан совершенно неиссякаемой энергии и страсти – вот таким я видела в годы моей аспирантуры и позднее Алексея Алексеевича как человека, и таким я вижу и его сейчас.

Я бы только очень хотела надеяться, что и новым идеям Учителя, высказанным после 1994-ого года, когда я временно – на стажировку в университете Чикаго – уехала из России (а оказалось – навсегда!), не пришлось и не придется в будущем доказывать свое право на существование *так*, как это было в 70-90-ые годы на моих глазах, так как я убеждена в том, что его идеи принадлежат не только сегодняшнему дню, но и будущему – даже очень далекому будущему, как это случилось с именами Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, С.И. Бернштейна и многих-многих других выдающихся людей, опередивших свое время.

При всех его новаторских идеях Алексей Алексеевич был еще и педагогом, уникальным Учителем (далеко не всем это дано!).

Я начала мое «заключительное слово» на защите докторской диссертации (январь 1992-ого года, ИЯ Академии Наук) словами:

«Я хочу прежде всего поблагодарить моего учителя – Алексея Алексеевича Леонтьева. Я вообще считаю, что счастлив тот человек, которому встретился на жизненном пути *учитель*, настоящий *Учитель с большой буквы*.

Вот именно таким Учителем *был, есть и будет для меня* до тех пор, пока я буду жива, Алексей Алексеевич, и никакими словами мне не выразить моей глубочайшей благодарности Вам, Алексей Алексеевич. Вы просто в моем сердце. Я Вам *низко кланяюсь*».

Был не только Учителем – всегда по-человечески поддерживал: при встречах расспрашивал меня о жизни (в Душанбе, позднее – в Уфе, потом в Раменском Московской области) и о работе, советы давал.

Еще в годы моей аспирантуры познакомился с моим будущим мужем Женей – тоже аспирантом филфака МГУ, и я помню разговор Алексея Алексеевича с ним о литературных журналах 20-х годов. Учителя очень интересовала общая интеллектуальная атмосфера того времени.

Алексей Алексеевич чисто по-человечески очень радовался, когда в ноябре 1990 года Женя защитил на заседании Ученого Совета филологического факультета МГУ докторскую диссертацию на тему: «Проблемы литературной критики 20-х годов и деятельность А.К. Воронского». Радовался потому, что знал все его переживания, связанные с этой темой, и слова заведующего кафедрой советской литературы, профессора А.И. Метченко, сказанные моему мужу в начале 80-х годов: «Диссертацию на *эту* тему ты не защитишь *никогда!*». Но времена уже были не те, и Женя был счастлив тем, что реабилитировал имя выдающегося критика и теоретика литературы и вернул его в научный оборот.

Алексей Алексеевич устроил моего мужа на работу в Московский институт развития образовательных систем (МИРОС), с которым сам очень плодотворно сотрудничал в начале 90-х годов.

8-ого марта 1993 года (в Международный женский день!) приехал в Раменское, где мы жили, на похороны Жени.

Могила не была готова – всем присутствующим пришлось *долго-долго* ждать, наблюдая за тем, как уже пьяные могильщики (праздник!) не торопясь долбили еще промерзшую землю...

Все замерзли, в том числе и Алексей Алексеевич в своей красивой новой дубленке; кто-то громко сказал, что Женя просто не хочет уходить... Когда моего – уже покойного мужа, наконец-то, уложили в землю, Учитель сказал очень хорошие и теплые слова ему вослед...

У меня просто нет слов...

Более 25-ти лет мой Учитель был со мной рядом – не только в науке, но и в жизни, и *всегда* по-человечески поддерживал.

Учитель, Друг, Человек величайшего ума, души и сердца!

Вы и сегодня – в моем сердце, дорогой Алексей Алексеевич, и я *низко, низко, низко кланяюсь Вам и сегодня – в 80-летие со дня Вашего рождения*.

И молось о Вас.

Приложение

Выступление Алексея Алексеевича на защите моей докторской диссертации на заседании Ученого Совета Института языкознания Академии Наук под председательством Виктории Николаевны Ярцевой (январь 1992).

Я позволю себе вспомнить, что когда 30 лет назад мне пришлось писать кандидатскую диссертацию о Бодуэне, вот тогда я впервые очень ясно понял, что проследить, вернее понять (проследить – это легко!), но **понять** (выделяю жирным шрифтом расставленные Алексеем Алексеевичем акценты – Т.Н.) эволюцию собственно лингвистических, например, фонологических взглядов Бодуэна, не рассматривая не конкретную вот эту линию, а **весь** ход мысли, **все** мирозерцание научное Бодуэна просто невозможно. **Понять** логику развития **конкретных** позиций по **конкретному** вопросу без прослеживания **обще-научных, обще-мировоззренческих** позиций невозможно.

И поэтому, когда здесь возникла критика, что, дескать, Татьяна Николаевна рассматривает процесс, историю развития лингвистических воззрений как **единое научное сознание**, я не хотел бы согласиться с этой критической позицией, потому что объективно в голове любого ученого **не** отделена конкретная его позиция по конкретному вопросу от **господствующей, предшествующей** ему обще-научной или обще-мировоззренческой атмосферы или позиции. И поэтому мне кажется, что то, что сделала Татьяна Николаевна, это не просто добротная работа. Это очень перспективное и очень глубокое исследование.

Я вижу достоинства этой работы, по крайней мере, в трех отношениях. Я тут не беру в рассмотрение собственно психологический аспект; я говорю – чисто лингвистически.

Первое: в работе Татьяны Николаевны, на мой взгляд, очень убедительно показаны обще-мировоззренческие, психологические, или какие хотите, **корни** появления, становления и развития **собственно лингвистических** идей.

Примером такого анализа может послужить хотя бы представленная Татьяной Николаевной лингвистическая концепция Сергея Игнатьевича Бернштейна, которого можно рассматривать и **вне** всяческого психологизма или психологической ориентации, собственно говоря, хотя это было бы и неправильно, с моей точки зрения – ну, скажем, его идея морфологизации грамматических категорий и так далее.

И вот именно тот подход, который мы находим у Татьяны Николаевны, позволяет понять – на мой взгляд, очень убедительно – **почему** у Сергея Игнатьевича появились эти идеи и **откуда** они возникли.

Вообще надо сказать, что о Сергее Игнатьевиче нужно сказать особо – тем более, что у нас сегодня нечто вроде юбилея незапланированного, потому что 8 дней тому назад исполнилось 100-летие со дня рождения Сергея Игнатьевича, Мы его не праздновали, но праздновать мы будем в этот год, я надеюсь, в течение этого года, когда выйдут почти одновременно две книги Сергея Игнатьевича Бернштейна, неизданные ранее: «Словарь фонетических терминов» и «Общий и русский синтаксис» (К сожалению, последняя работа, насколько мне известно, так никогда и не вышла в свет – Т.Н.) .

Так вот – Сергей Игнатъевич относится как раз к числу **тех** русских ученых, которые выпали из мировой истории языкознания, хотя по масштабам, мне кажется, он принадлежит к первым (ну, я не знаю) – десяти или 15-ти **мировым** лингвистам XX века. И то, что сделала именно Татьяна Николаевна, **как** она его представила и **как** она **его оценила**, мне кажется принципиально важным. Он таким образом становится вовлечен в историю лингвистических идей.

И то же самое надо сказать в отношении Михаила Михайловича Бахтина, который, действительно, лингвистами не востребован. Шуму сейчас вокруг Бахтина в мире очень много, но шумят все – семиотики, литературоведы, философы; психологи даже стали прислушиваться, но только не лингвисты, как это ни странно. А Бахтин нуждается в **глубоком, непредвзятом и не сию-минутном**, так сказать: с точки зрения **сегодняшней** ситуации, а **глубоком** прочтении. Вот это начала делать, по крайней мере, Татьяна Николаевна.

Отсюда общая оценка работы очень высокая. Мне кажется, Татьяна Николаевна безусловно заслуживает присвоения ей степени, и работа эта более чем соответствует уровню докторских диссертаций.

И последнее, о чем хотелось бы сказать: Поскольку здесь возникла дискуссия насчет **меня** – прямо можно сказать (дискуссия возникла вокруг того, что я сказала во вступительном слове, но подход к вопросу был от Учителя – Т.Н.), то я хочу уточнить свою позицию.

Научные или **ненаучные** подходы к истории языкознания.

Вы знаете, когда я писал вот это предисловие к Березину (очевидно: Ф.М.Березин. «История лингвистических учений» с предисловием А.А. Леонтьева – Т.Н.), я имел в виду не **вообще** подходы, я имел в виду **совершенно конкретные** работы по истории языкознания, хотя я их не называл.

Одни конкретные работы строятся так: «А вот что говорил Аристотель, что теперь можно сказать (неразборчиво – Т.Н.) Это **не** научный подход, простите меня. Или: «А вот идея знака – нет, или а вот идеи структурализма (это Якобсон – примерно так) можно найти у святого Августина». **Можно** найти, и **раньше** можно найти, но только они не являются идеями структурализма. Они **возникали**, они похожи **внешне**, но они возникали в другом философском, обще-научном и конкретно-научном контексте. Соположить можно все, что угодно, с чем угодно – это **не** научный подход.

Точно также **не** научный подход в нашей диссертационной кандидатской принятый порядок, когда от альфы до омеги перечисляются все, кто что-нибудь сказал по данному поводу. Это **вообще не история**, это – историография науки.

Поэтому я **остаюсь** на своих позициях и **считаю**, что действительно только прослеживая логику развития взглядов конкретного человека и только прослеживая, **откуда** взгляды этого конкретного человека берутся и **как** они дальше продолжатся в процессе истории наук, только такой подход в истории науки и является научным.

В.И. Шаховский

Какой же это был необыкновенный человек... Спасибо ему за всё

К моему счастью, я встречался с Алексеем Алексеевичем Леонтьевым несколько раз и в разных городах Советского Союза и России. Первая моя встреча с ним состоялась в какой-то подвальной аудитории МГПИИЯ им. М. Тореза. По инициативе Г.В. Колшанского там проводилась конференция на тему «Коммуникативные единицы языка». И я попал в одну секцию с А.А. Леонтьевым. Вёл секции В.Г. Костомаров. Случилось так, что я оказался за одним столом с А.А. Леонтьевым. Я тогда был всего лишь периферийным доцентом и чувствовал себя очень неловко, оказавшись рядом с такой величиной. Когда предоставили слово А.А. Леонтьеву, он взял лежащий перед ним лист бумаги, поднялся и начал говорить, время от времени заглядывая в этот листок. Я предположил, что там конспект его выступления. Все остальные докладчики, включая и меня, держали перед собой по пачке листов, беспрестанно в них ныряя. Наконец, я осмелел и поднял голову и мои глаза оказались на уровне того листка, который держал Алексей Алексеевич. В ту же минуту у меня отключился слух от изумления: лист бумаги был стерильно чист. На нём не было ни одного слова! А Алексей Алексеевич продолжал время от времени «консультироваться» с пустой страницей и черпать из него мудрейшие мысли по обсуждаемой проблеме. Это был мой первый опыт знакомства с таким методом выступления: как все в советское время, говорить по бумажке, но высказывать свои собственные и, я понял по выступлению, спонтанные мысли. Это была рефлексия всех выслушанных выступлений с выражением своих собственных идей.

С тех пор я стал учиться тоже выступать со своими докладами без бумажного текста.

Вторая наша встреча была одной лютой зимой, в Минске, где в Белорусском национальном университете защищала свою докторскую диссертацию В.А. Маслова, а мы оба оказались оппонентами по ней. Я в то время был уже доктором наук. Алексей Алексеевич приехал поездом, полупростуженный, и он был в дорожном толстом свитере, поверх которого надел пиджак. Таким он появился в зале заседаний, а я прилетел из Волгограда самолётом и был «как денди лондонский одет»: в костюме, ослепительно белой рубашке, ярком галстуке. И когда председатель совета назвал оппонентов и Алексей Алексеевич увидел меня, он на весь зал сказал: «Ой, мне даже неудобно перед Виктором Ивановичем. Он по всей форме, а я в свитере, почти в домашней одежде». Все засмеялись, а я почувствовал себя опять неловко: выфрантился.

Пропущу несколько других встреч и скажу несколько слов о нашей встрече в Волгограде, куда академик Леонтьев прибыл для участия в научно-практической конференции, которую проводил мой факультет иностранных языков пединститута. Она была посвящена новым методам обучения школьников иностранным языкам и на неё съехались все учителя иностранных языков со всей Волгоградской области. Как всегда, А.А. Леонтьев опять выступал, держа перед собой какой-то лист бумаги, но так ни разу в него и не заглянул. Никогда до него ни одного академика в нашем университете не было. И все учителя и преподаватели факультета слушали

его, затаив дыхание. Алексей Алексеевич меня, конечно же, сразу узнал, тем более, что я сидел прямо против него, не сводя с него глаз.

По окончании заседания я пригласил его в свой кабинет. В то время я заведовал кафедрой языкознания, которую открыл сразу же после защиты докторской. Алексей Алексеевич попросил разрешения закурить. И вот это слово «закурить» для меня стало не просто эмотивом, а даже аффективом. Вот как совершенно нейтральные слова определённая коммуникативная эмоциональная ситуация может превратить в аффектив, минуя статус коннотатива. Могу утверждать, что для меня это было КУРЕВО ВЕКА. Я никогда не видел, чтобы человек так много курил: он по сути дела менял одну папиросу за другой. Через час мы перестали видеть друг друга в дыму. Это было необычайно интересное общение. Алексей Алексеевич позавидовал моему убогому кабинету, сказав, что у него нет и такого, что он сидит в комнате такого размера с несколькими человеками, в тесноте. Не буду рассказывать о темах нашей беседы, скажу только, что после уезда Алексея Алексеевича в мой кабинет мои преподаватели не могли заходить более 2 недель: так было всё прокурено. А для меня дым Леонтьева был сладок и приятен!